



• ВОЛЧОК •

LOIS LOWRY

**NUMBER**  
*the STARS*

Sandpiper  
Houghton Mifflin Harcourt  
Boston New York

Лоис Лоури

# Исчисляя ЗВЁЗДЫ

Перевод с английского  
Ольги Бухиной и Галины Гимон

Иллюстрации  
Татьяны Уклейко

Волчок  
Москва  
2022





# Предисловие

Эта книга — не эпическое полотно. Лоис Лоури описывает — и делает это, надо сказать, мастерски — всего лишь эпизод на фоне грандиозных сражений того времени. Но разве для конкретного человека имеют значение размеры поля боя, который он решил дать противнику? Война — это всегда личный выбор, где бы ты перед ним ни оказался. Выбор между подчинением обстоятельствам и сопротивлением, преодолением страха и покорностью. Выбор, в конце концов, цены, которую человек готов заплатить за свою жизнь и жизнь другого человека, за свою свободу и свободу других людей... Более того, война снижает возрастной порог этого выбора, часто заставляя детей принимать решения, обычно выпадающие на долю взрослых.

Несколько пояснительных слов для понимания контекста рассказанных в книге событий.

Дания — небольшая страна, одно из шестидесяти двух государств, оказавшихся вовлечёнными в мировую бойню. Каждое из них пережило её по-своему, по разные стороны фронтальной линии. Не всё спокойно было в датском королевстве. В 1939 году оно подписало договор о ненападении с гитлеровской Германией, совершив ту же ошибку, что и некоторые другие европейские державы, которые понадеялись подобным образом не допустить или, по крайней

мере, отсрочить войну. Не получилось. И уже в апреле 1940 года Третий рейх, нарушив все обязательства, оккупировал Данию, правда, оставив за самими датчанами некоторые полномочия по самоуправлению. Относительно мягкий режим оккупации (если присутствие агрессора на твоей территории может вообще считаться «мягким») просуществовал до 1943 года, когда нацисты ввели чрезвычайное положение.

К этому их вынудило движение сопротивления. Надо сказать, что в первые годы оно было малочисленным и только набирало силу. Перелом наступил в августе 1943 года, когда в семнадцати городах Дании прошли массовые забастовки, сопровождавшиеся акциями протеста. Вот тогда германское командование и потребовало введения в стране чрезвычайного положения и применения смертной казни к саботажникам. После отказа датского правительства одобрить такие меры оно было разогнано. Но движение сопротивления продолжило свою деятельность. Всего же за время оккупации, с апреля 1940-го до мая 1945 года, когда Дания была освобождена британскими войсками, оно выпустило на территории страны более полутысячи наименований газет и других печатных изданий, совершило две с половиной тысячи операций против гитлеровцев и их пособников, почти три тысячи диверсий.

Судя по описываемым событиям, действие книги разворачивается именно в этот период, поскольку чрезвычайное положение предполагало, среди прочего, выявление

и депортацию в лагеря смерти еврейского населения Дании. Благодаря героическим усилиям местного движения сопротивления акция практически провалилась: нацистам удалось арестовать только 472 человека из 7800, а более семи тысяч евреев были вывезены участниками Сопротивления в Швецию и ещё несколько сотен спрятаны на территории Дании.

Так что семья Йохансенов, взявшаяся по доброй воле за спасение ни в чём не повинных людей, — отнюдь не единственный случай. Более сорока тысяч датчан так или иначе, в меру своих возможностей, внесли вклад в борьбу с оккупантами. Каждый десятый погиб на том боевом посту, который выпал на его долю в силу сложившихся обстоятельств.

Дети в России много слышат и знают о минувшей войне. Об этом говорят в семье, снимают фильмы, пишут книги, ставят спектакли. Книга Лоис Лоури поможет расширить эти знания, осознать, что глобальное зло, коим безусловно является фашизм, встретило глобальное сопротивление людей, ценящих свободу и отвергающих любой гнёт. Это нас объединяет не только в прошлом, но и в настоящем, которое настоятельно требует совместных усилий для сохранения мира и отторжения любых форм взаимной ненависти.

*Виталий Дымарский*





*Моей подруге Аннелизе Платт  
Tusind tak\**

---

\* Тысячу раз спасибо (*дат.*).



## Зачем ты бегаешь?

— Давай наперегонки до угла, Эллен! — Аннемари поправила набитый кожаный ранец, чтобы равномерно распределить книжки, и глянула на закадычную подругу. — Готова?

— Ну, нет! Ты же знаешь, мне за тобой в жизни не угнаться — ноги короткие, — Эллен скорчила гримаску и тут же рассмеялась. — Давай лучше пройдемся, как цивилизованные люди.

В свои десять лет Эллен по-прежнему была коротышкой, не то что длинноногая Аннемари.

— Нам нужно тренироваться. В пятницу снова забег для девочек. Я на этот раз точно выиграю. На прошлой неделе я пришла второй, но с тех пор каждый день тренируюсь, — голос Аннемари звучал умоляюще, девочка уже прикинула расстояние до угла, и ей не терпелось припустить бегом по копенгагенской улице. — Ну пожалуйста.

Эллен сперва покачала головой, но потом кивнула и тоже поудобней пристроила ранец с книжками.

— Ну ладно, давай.

— Побежали! — закричала Аннемари, и они наперегонки помчались по тротуару.

Развевались по ветру светлые волосы Аннемари, прыгали по плечам тёмные косички Эллен.

— Куда вы, подождите меня, — ныла отставшая малышка Кирсти, но старшие девочки даже не обернулись.

Несмотря на то что у неё тут же развязался шнурок на ботинке, Аннемари сразу обогнала подружку. Она мчалась по улице Эстерброгад мимо маленьких магазинчиков и кафе, которых немало было в этом районе на северо-востоке Копенгагена. На полном ходу девочка, смеясь, увернулась от пожилой дамы в чёрном, несущей сетку с продуктами. Молодая женщина с коляской сама уступила ей дорогу. Перекрёсток был уже совсем близко.

Тяжело дыша, Аннемари притормозила на углу, оглянулась, и ей сразу стало не до смеха — даже сердце ёкнуло.

— Halte!\* — раздался резкий оклик солдата.

Знакомое немецкое слово, но всё равно страшное. Аннемари уже много раз слышала эту команду, но тогда останавливаться приказывали кому-то другому, а не ей.

Отставшая Эллен замерла на месте. Далеко позади тащилась надутая малышка Кирсти — большие девчонки опять от неё убежали.

Аннемари глядела на солдат. Два солдата. Две каски. Две пары холодных глаз уставились прямо на неё. Две пары начищенных сапог уверенно стоят на асфальте, мешают попасть домой — ни пройти, ни обойти.

Солдаты крепко сжимают в руках автоматы. Аннемари сперва посмотрела на автомат, а потом уже на солдата, который велел ей остановиться.

---

\* Стой! (нем.)

— Зачем ты бегаешь? — голос грубый, по-датски говорит плоховато.

«Три года уже тут, — подумала Аннемари с презрением. — Три года в нашей стране, а так и не выучился говорить по-нашему».

— Мы с подружкой бежим наперегонки, — вежливо ответила она. — У нас каждую пятницу в школе забег, и я хочу победить, вот поэтому...

И оборвала саму себя, не договорив. Перестань болтать, ответила, и хватит.

Аннемари обернулась. Элен застыла на месте. Обиженная Кирсти вот-вот их догонит. Какая-то женщина стояла в дверях лавки и молча наблюдала за тем, что происходит.

Один из солдат, тот, что повыше, подошёл ближе. Аннемари его сразу узнала, они с Элен прозвали его Жирафом за длинную тощую шею, торчащую из жёсткого воротника. Они с напарником всегда стояли на этом углу.

Солдат ткнул прикладом в ранец с книжками. Аннемари испуганно вздрогнула.

— Что у тебя там? — громко спросил он.





Уголкем глаза девочка заметила, что хозяйка лавки поспешила убраться внурь, подальше от солдат.

— Учебники, — честно ответила Аннемари.

— Хорошая ученица? — спросил солдат с нескрываеомой издѣвкой.

— Да.

— Как зовут?

— Аннемари Йохансен.

— А подружка тоже хорошо учится? — он ткнул пальцем в Эллен, всё ещё стоящую позади.

Аннемари обернулась и увидела: Эллен, всегда такая розовощѣкая, побледнела и широко раскрыла тѣмные глаза.

— Лучше, чем я, — призналась Аннемари.

— Как зовут?

— Эллен.

— А это кто?

Кирсти наконец догнала Аннемари и теперь хмуро глядела на солдат.

— Моя сестрѣнка, — Аннемари хотела взять Кирсти за руку, но та, упрямая, как обычно, вырвалась и встала, уперев руки в боки.

Солдат нагнулся и погладил младшую девочку по кудрявым волосам.

Не дёргайся, Кирсти, мысленно приказала Аннемари, надеясь, что ершистая девчонка догадается вести себя по-тише.

Но Кирсти решительно скинула руку солдата с головы и взвизгнула:

— Не трогай!

Оба солдата расхохотались и быстро заговорили по-немецки. Аннемари ничего не могла разобрать.

— Хорошенькая, как моя дочурка, — сказал высокий солдат почти нормальным голосом.

Аннемари выдавила из себя вежливую улыбку.

— А ну домой, все три. Идите учите свои учебники. И не бегайте. А то убегаете, как воришки.

Солдаты отвернулись. Аннемари крепко схватила Кирсти за руку, пусть даже не пробует вырваться. Потасила малышку за собой, завернула за угол. Эллен не отставала. Они шли быстро, не разговаривая, Кирсти — между ними, и скоро оказались у большого многоквартирного дома, где жили обе семьи.

— Я так испугалась, — прошептала Эллен, когда они уже были совсем рядом с домом.

— И я, — тоже шёпотом ответила Аннемари.

Они не оборачивались, глядели прямо вперёд, на свой дом, словно боялись снова встретиться взглядом с солдатами, по-прежнему стоящими на углу с автоматами в руках. Кирсти первая вбежала в подъезд, торопясь показать маме картинку, которую нарисовала в детском саду. Для неё солдаты были просто частью пейзажа, столько,



сколько она себя помнила, они были везде, на каждом углу — как уличные фонари.

— А ты маме расскажешь? — спросила Эллен. Девочки уже поднимались по лестнице. — Я не буду, а то она разволнуется.

— Тогда и я не буду. Мама всё равно бы меня отругала за то, что мы бегали наперегонки по улице.

На втором этаже — здесь жила Эллен — они распрощались. Аннемари продолжала подниматься на свой третий этаж, репетируя в уме, как радостно поздоровается с мамой и расскажет ей о хорошей отметке за контрольную по правописанию.

Но было слишком поздно. Кирсти уже всё разболтала.

— И он ткнул своим ружьём в её книжки, а потом схватил меня за волосы, — Кирсти стояла посреди гостиной, стаскивала свитер через голову и пересказывала недавние события. — Но я не испугалась. Аннемари испугалась. Эллен испугалась. А я — ни капельки!

Мама вскочила с кресла у окна. Фру Розен, мама Эллен, тоже была тут, она сидела в другом кресле. Обе мамы, как обычно, вместе пили кофе. Конечно, настоящего кофе у них не было, но они всё равно говорили «пить кофе». Настоящего кофе в Копенгагене не было с тех пор, как город оккупировали нацисты. Не было и настоящего чая. Мамы заваривали травяной настой и прихлёбывали его вместо кофе.

— Аннемари, что случилось? О чём это говорит Кирсти? — с тревогой спросила мама.



— Где Эллен? — мама Эллен по-настоящему перепугалась.

— Эллен пошла домой. Она же не знала, что вы тут, — объяснила Аннемари. — Не беспокойтесь. Ничего не случилось. Это просто те два солдата, которые стоят на углу Эстерброгад, — вы же их знаете. Один высокий, с длинной шеей, тот, что похож на дурацкого жирафа.

Девочка рассказала обеим мамам о происшествии на углу как о чём-то неважном, стараясь обратить всё в шутку, но мамы по-прежнему смотрели озабоченно.

— Я его шлёпнула по руке и накричала на него, — важно заявила Кирсти.

— Ничего она такого не делала, — вмешалась Аннемари. — Преувеличивает, как всегда.

Фру Йохансен подошла к окну и глянула на улицу. В этом районе Копенгагена всегда было тихо. Всё как обычно: покупатели заходят в лавки, дети играют, солдаты стоят на углу.

Она тихо сказала маме Эллен:

— Они, наверное, беспокоятся больше обычного из-за последних акций Соппротивления. Читали в «Свободной Дании» о бомбах, взорвавшихся в Хиллереде и Норребро?

Аннемари выкладывала учебники и делала вид, что полностью поглощена этим занятием, но на самом деле прислушивалась к каждому слову. Она знала, о чём говорит мама. «Свободной Данией» называлась подпольная газета. Время от времени им её приносил Петер Нильсен. Он тщательно запрятывал сложенные листы между обычными книгами и газетами. Мама сразу же сжигала страницы после того, как они с папой прочитывали новости. Аннемари не раз слышала, как папа и мама по ночам обсуждают бомбы на фабриках, производящих оружие, саботаж, подрыв железнодорожных путей — больше по ним ничего не перевезут.

Когда она впервые услышала в разговоре взрослых слово «Соппротивление», она не знала, что это такое, но папа ей всё объяснил. Бойцы Соппротивления были датчанами — никто точно не знал, кто они, всё держалось в страшной тайне. Эти люди хотели как можно сильнее навредить немцам. Они подрывали нацистские грузовики и легковые

автомобили, подбрасывали бомбы на фабрики. Они были очень смелые. Иногда немцам удавалось их схватить, тогда их ждала казнь.

— Пойду поговорю с Эллен, — фру Розен двинулась к дверям. — А вы, девочки, завтра идите в школу другой дорогой. Обещай мне, Аннемари. И с Эллен я возьму обещание.

— Хорошо, фру Розен, но какая разница, где мы пойдём? Немецкие солдаты на каждом углу.

— Эти вас запомнили! — сказала фру Розен на пороге комнаты. — Важно не выделяться из толпы, быть одними из многих. Старайтесь не попадаться им на глаза, не давать повода запомнить именно вас.

Она вышла и закрыла за собой дверь, а малышка Кирсти воскликнула:

— Ну, меня солдат точно запомнил, мама. Он сказал, что я похожа на его малышку. Он сказал, что я хорошенькая.

— Если у него есть такая хорошенькая дочурка, почему бы доброму папочке не вернуться домой? — пробормотала фру Йохансен и погладила дочку по голове. — Почему бы ему не убраться в свою собственную страну?

— Мама, я есть хочу, — Аннемари надеялась отвлечь маму от мыслей о солдатах.

— Возьми хлеба. И отрежь кусочек сестре.

— С маслом? — с надеждой спросила Кирсти.

— Масла нет, — ответила мама. — Ты же знаешь.

Старшая сестра отправилась на кухню, а Кирсти вздохнула:

— Я бы съела булочку — большущую и с розовой глазурью.

— Такая маленькая, и такая долгая память! — рассмеялась мама. — Ни масла, ни сахара для булочек давно уже нет. Год, если не больше.

— А когда опять будут булочки?

Мама снова выглянула в окно: на углу по-прежнему стояли солдаты. Бесстрастные лица под стальными касками.

— Когда война кончится. Когда больше не будет солдат.